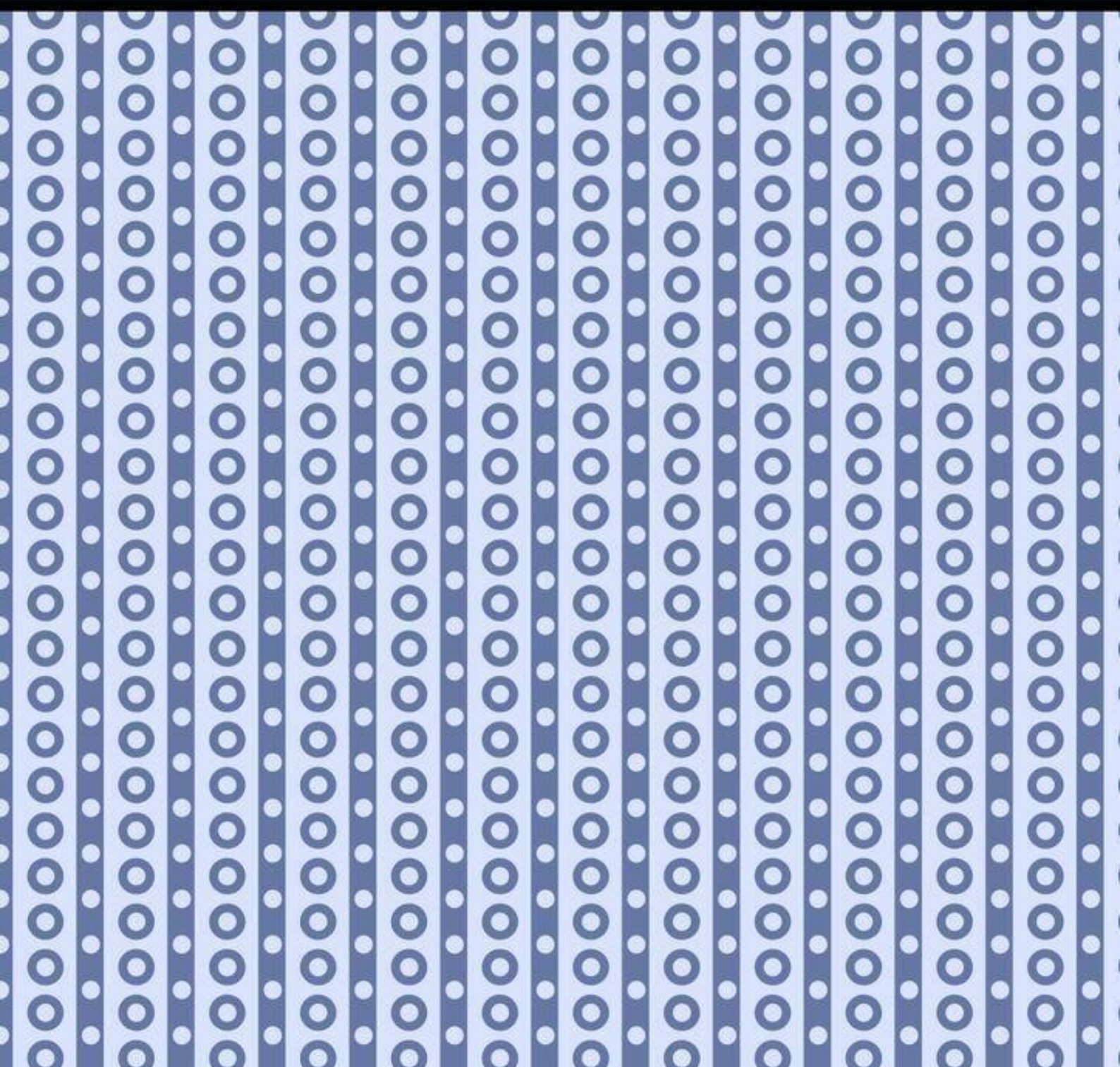

18+

АРИНА ЛОРЕЛЬ

Стражи песка

Арина Лорель

Стражи песка

«Издательские решения»

Лорель А.

Стражи песка / А. Лорель — «Издательские решения»,

Археолог Александр Картер с детства страдает от загадочных видений: во сне ему является львиноголовая богиня, а наяву он чувствует необъяснимую связь с древним Египтом. Когда у коллекционера Юсуфа аль-Масри похищают чёрную базальтовую статую Сехмет — и вскоре находят убитым другого владельца подобного артефакта, — Сэнди вынужден признать: его кошмары становятся реальностью. Вместе с помощником Ахмедом и отчаявшимся Юсуфом он отправляется в оазис Сива.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

Стражи песка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Стражи песка

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0070-5643-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стражи песка

Пролог:

Фивы, 1324 год до нашей эры. Храм Сехмет в Карнаке.

Ночь стояла непроглядная, словно сам Атум разверз чёрные крылья над Египтом. Лишь редкие звёзды мерцали сквозь тяжёлые тучи, нависшие над храмом подобно погребальным пеленам. Ветер с пустыни нёс запах песка и смерти, выл в колоннадах, тревожил пламя факелов в руках жрецов, собравшихся в главном святилище. В его завываниях чудились шёпоты древних проклятий, а порывы ветра заставляли тени танцевать на стенах, будто духи предков следили за происходящим.

Аменхотеп, главный хранитель тайны Сехмет, стоял на коленях перед золотым саркофагом. Двадцать семь лет — возраст, когда молодость уже не мешает мудрости, но в эту ночь он чувствовал себя древним стариком, уставшим от бремени веков.

Плечи его покрывала льняная накидка, расшитая золотом и символами защиты, на груди висел амулет Уджат — око Гора, оберегающее от зла. Лицо, правильное и благородное, было обращено к изображению богини на крышке саркофага: львиная голова, женское тело, солнечный диск между рогов. Глаза из лазурита и золота в свете факелов казались живыми, полными гнева, словно она уже видела будущее — и оно ей не нравилось.

Вокруг стояли двенадцать жрецов в масках шакалов — посвящённые высшего ранга. Каждый держал ритуальный жезл, увенчанный головой зверя. Эти жезлы хранили силу вековых ритуалов, впитавшую в себя молитвы сотен поколений. Жрецы стояли неподвижно, но под масками шевелились губы, творя заклинания на языке, забытом живыми, — языке, который не слышали уже три тысячелетия. Их дыхание смешивалось с дымом благовоний, создавая туман, в котором мерцали отблески пламени.

Воздух в храме был тяжёл от благовоний: ладан, мирра, кедровая смола смешивались в густой аромат, проникающий в лёгкие, оседающий на языке горьковатым привкусом. В центре зала лежал заколотый чёрный бык — жертва, чтобы умиловить богиню.

Кровь уже сворачивалась, образуя на камне тёмную лужу, похожую на зеркало, в котором отражались тени и отблески факелов. Казалось, сама кровь шептала предупреждения.

Аменхотеп знал: времени нет. Сехмет пробудилась — он чувствовал это по землетрясениям, сотрясающим землю, по засухе вдоль Нила, превращающей плодородные поля в пыль, по болезням, косившим стада и людей. Её гнев подобен пожару, и если не остановить его, Египет превратится в выжженную пустыню. Он помнил древние папирусы: когда Око Ра открывается полностью, оно сжигает всё на пути, не различая праведников и грешников. В памяти всплыли строки: *«Когда Сехмет пьёт кровь, она не знает насыщения»*.

Он поднял голову к статуе из чёрного базальта, привезённого с юга. Сехмет в полный рост, с львиной головой, в правой руке — обсидиановый меч, в левой — скипетр с головой шакала. Глаза из золота следили за каждым движением, словно оценивая его решимость. В их отблесках Аменхотеп видел тени прошлого — войны, голод, гибель целых поселений, вызванных гневом богини.

— Великая Сехмет, Око Ра, карающая рука светлого бога, — начал Аменхотеп, голос его набирал силу, эхом отражаясь от стен. — Ты пришла покарать грешников, восставших против Маат. Но гнев твой не знает границ. Ты сожжёшь землю, истребишь невинных с виновными. Я, верный слуга, не могу допустить этого. Уйми гнев, вернись в царство теней. Имя твоё истинное — Хесамет — произношу с благоговением.

Заклинаю: остановись!

Статуя оставалась холодной, каменной. Но Аменхотеп чувствовал, как внутри пробуждается древняя сила, пульсирует, ищет выход. Этот сосуд запер гнев богини три тысячи лет назад, и теперь он трещал по швам, издавая едва слышный треск, похожий на стон земли.

Жрецы запели громче. Голоса вибрировали, сотрясая стены, заставляя пыль осыпаться с потолка. Песнопения были древнее Египта — из времён, когда боги ходили по земле, а люди говорили с ними лицом к лицу. Звуки сплетались в узор, видимый лишь посвящённым, — узор, который мог либо исцелить мир, либо разрушить его.

Аменхотеп вынул свиток папируса, исписанный рукой его учителя Птахотепа. Здесь было последнее заклинание — то, что могло не усыпить, но уничтожить суть богини, обратив её в безвредную статую. Свиток хранился в тайнике под алтарём, скрытый от глаз непосвящённых. Иероглифы на нём светились слабым светом, словно напоминая о цене, которую придётся заплатить.

Он развернул свиток, прочитал первые строки. Палец скользил по иероглифам, магия проникала в кровь, наполняя силой и отнимая жизнь. Заклинание требовало полной жертвы: произносящий должен умереть. Каждая строка отнимала частицу его души, заменяя её древней мощью.

— Я готов, — шепнул Аменхотеп, обращаясь к богам и предкам. — Я отдаю себя, чтобы спасти народ. Пусть душа найдёт путь в загробный мир, обретёт покой. Я не боюсь смерти, я жил достойно. Пусть моя жертва станет мостом между мирами, пусть она восстановит баланс.

Он начал читать. Слова лились — древние, могущественные, как удары молота по реальности. Жрецы умолкли, склонив головы, их маски шакалов отбрасывали причудливые тени на стены. Воздух сгустился до плотности камня, стал почти осязаемым. Золотой саркофаг засветился изнутри слепящим белым светом, освещая зал так ярко, что жрецы зажмурились. Статуя завибрировала, из её глаз вырвались лучи, пронзившие потолок, оставив в нём трещины, похожие на разломы в ткани мироздания.

— Хесамет! — вскричал Аменхотеп. — Именем Ра, Осириса, Исиды, всех богов, приказываю: уйди! Покинь этот мир! Я запечатаваю тебя в камне навеки!

Земля содрогнулась. Из трещин вырвалось пламя, жрецы попадали на колени, закрывая лица руками. Статуя поднялась в воздух в огненном нимбе, и на мгновение Аменхотеп увидел не камень, а живую львиноголовую женщину, чьи глаза горели ненавистью. Прекрасную и ужасную, с гривой, сверкающей как расплавленное золото, с когтями, оставляющими борозды на воздухе.

Она заревела — звук разорвал перепонки, по щекам потекла кровь. Но Аменхотеп читал, всё громче, пока голос не стал потоком — птичьим пением, шелестом тростника, ревом водопада, голосом самой реки Нил. Сила покидала тело, уходила в свиток, в статую, в битву богов и смертных. Его кожа начала светиться изнутри, вены проступили, наполненные не кровью, а сиянием древних слов.

Сехмет дёрнулась, заревела с ужасом в рыке, словно осознав, что проигрывает. Свет померк, нимб погас, статуя опустилась, застыв неподвижно. Её глаза — просто стекляшки, камень остыл, искра божественного исчезла. В воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием жрецов.

Аменхотеп упал на колени. Сердце замирало, дыхание прерывалось, конечности холодели. Он улыбнулся статуе, запертой навечно. На губах — пена с кровью, но на лице — покой.

— Сделано, — шепнул едва слышно. — Египет спасён. Маат восстановлена. Я отдал долг. Пусть мой дух станет стражем этого места, пусть он защитит мир от новой угрозы.

Глаза закрылись, он замер — статуя, прекраснее той, что стояла перед ним, словно сама смерть воздала ему честь. Жрецы подбежали, но поздно. Душа покинула тело, ушла в стран-

ствие на три тысячи лет, блуждая по мирам, перерождаясь, пока не нашла пристанище в археологе Александре Картере из далёкого будущего.

А статуя Сехмет осталась — чёрная, безмолвная, среди рухнувших жрецов, что плакали над наставником. Они поклялись охранять её, не подпускать никого, не позволить пробудить снова. Клялись перед мёртвым жрецом, перед богами, кровью на своих ладонях.

Но время шло. Храмы рушились, империи падали, знания исчезали. Пески пустыни поглотили Карнак, а память о Сехмет стала легендой. Статуя, запертая в базальте, ждала часа, когда кто-то произнесёт имя Хесамет и разбудит дремлющую ярость. И в тишине её глаза из золота едва заметно мерцали, словно напоминая: *ничто не исчезает навсегда*.

Глава 1

Каир плавился под безжалостным солнцем — сорок три градуса в тени, влажность с Нила смешивалась с сухим, липким воздухом пустыни. Узкие улочки старого города, зажатые между ветхими домами с осыпающейся штукатуркой, не спасали — зной

проникал всюду, обволакивал, душил. Солнце било в стёкла небоскрёбов, ослепляло, отражалось от полированных поверхностей, создавая мириады бликов.

Улицы кипели: люди в длинных галабеях и современных футболках, машины, отчаянно сигналящие, ослы с навьюченными корзинами, крики торговцев, гудки такси, запах специй, бензина и жарящегося мяса. Над этим хаосом, перекрывая шум, разносились голоса муэдзинов — пять раз в день они звали к молитве, напоминая, что даже в этом безумии есть порядок. Это был Каир — хаос, который местные называли жизнью, где прошлое и настоящее сплетались в причудливом танце.

В кабинете Александрийского музея на втором этаже работал кондиционер — старый, жужжащий, временами кашляющий, но спасительный. Воздух пах пылью веков, старой бумагой, нафталином и едва уловимым ароматом папируса. Александр Картер, или просто Сэнди, сидел за столом, заваленным артефактами: осколками керамики, фрагментами рельефов, потемневшими металлическими предметами. На экране ноутбука мерцали снимки раскопок в Долине Царей. Три месяца работы, год подготовки, а результат — осколки алебаstra да обломок скарабея с наполовину стёртым именем. Он устало потёр переносицу, взгляд скользнул по стеллажам с книгами по египтологии и археологии.

Сэнди был высок, жилист, кожа обветрена пустыней, испещрена мелкими шрамами от случайных царапин. Волосы выгорели до соломенного цвета, торчали вихрами, будто он только что выбрался из песчаной бури. Глаза — зеленовато-голубые, живые, даже после долгих часов за монитором, с искоркой любопытства, которое не могли погасить неудачи. Он любил копаться в земле, трогать камни, вдыхать пыль веков, чувствовать связь с теми, кто жил тысячи лет назад. Говорил студентам: «Мы ищем не вещи, мы ищем людей. Каждый осколок — это чья-то история, чей-то вздох, застывший во времени».

Но сегодня работа не шла. Он потянулся к остывшему кофе, глотнул горького, поморщился и поставил чашку обратно, оставив на краю тёмное пятно.

Каир плавился под безжалостным солнцем — сорок три градуса в тени, влажность с Нила смешивалась с сухим, липким воздухом пустыни. Узкие улочки старого города, зажатые между ветхими домами с осыпающейся штукатуркой, не спасали — зной проникал всюду, обволакивал, душил. Солнце било в стёкла небоскрёбов, ослепляло, отражалось от полированных поверхностей, создавая мириады бликов.

Улицы кипели: люди в длинных галабеях и современных футболках, машины, отчаянно сигналящие, ослы с навьюченными корзинами, крики торговцев, гудки такси, запах специй, бензина и жарящегося мяса. Над этим хаосом, перекрывая шум, разносились голоса муэдзинов — пять раз в день они звали к молитве, напоминая, что даже в этом безумии есть порядок. Это

был Каир — хаос, который местные называли жизнью, где прошлое и настоящее сплетались в причудливом танце.

В кабинете Александрийского музея на втором этаже работал кондиционер — старый, жужжащий, временами кашляющий, но спасительный. Воздух пах пылью веков, старой бумагой, нафталином и едва уловимым ароматом папируса. Александр Картер, или просто Сэнди, сидел за столом, заваленным артефактами: осколками керамики,

фрагментами рельефов, потемневшими металлическими предметами. На экране ноутбука мерцали снимки раскопок в Долине Царей. Три месяца работы, год подготовки, а результат — осколки алебаstra да обломок скарабея с наполовину стёртым именем. Он устало потёр переносицу, взгляд скользнул по стеллажам с книгами по египтологии и археологии.

Сэнди был высок, жилист, кожа обветрена пустыней, испещрена мелкими шрамами от случайных царапин. Волосы выгорели до соломенного цвета, торчали вихрами, будто он только что выбрался из песчаной бури. Глаза — зеленовато-голубые, живые, даже после долгих часов за монитором, с искоркой любопытства, которое не могли погасить неудачи. Он любил копать в земле, трогать камни, вдыхать пыль веков, чувствовать связь с теми, кто жил тысячи лет назад. Говорил студентам: «Мы ищем не вещи, мы ищем людей. Каждый осколок — это чья-то история, чей-то вздох, застывший во времени».

Но сегодня работа не шла. Он потянулся к остывшему кофе, глотнул горького, поморщился и поставил чашку обратно, оставив на краю тёмное пятно.

Вдруг экран ноутбука дёрнулся, поплыл, словно поверхность воды, потревоженная ветром. Сэнди моргнул — и вместо фотографий раскопок увидел иное. Золотой саркофаг, мерцающий в свете факелов, тени жрецов в масках шакалов, склонившихся в ритуальном танце. Он сам, облачённый в льняные одежды, со свитком в руках. Он должен читать, но голос не слышится, горло сжато невидимой рукой. Сила поднималась от пяток, жгла изнутри, наполняя каждую клетку тела. Он хотел закричать, отбросить свиток — не мог. Глаза статуи богини горели золотом, ярость пронзала его насквозь, словно раскалённый клинок.

Видение длилось секунды — или вечность. Хлопок — и Сэнди снова за столом, курсор мигает на экране, будто ничего не было. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках, рубашка прилипла к спине, ладони вспотели. Он провёл рукой по лицу, пытаясь стереть остатки видения.

Он знал такие приступы с детства. Тогда он просыпался с криком посреди ночи, видел львиноголовую женщину с глазами, полными гнева. Родители водили его к врачам, психиатрам, экстрасенсам — без толку. Со временем он научился жить с этим, привык, что прошлое иногда вторгается в настоящее. Но сейчас, после раскопок, видения стали чаще, ярче, реальнее.

Взгляд упал на книгу по мифологии, открытую на изображении Сехмет — львиная голова, меч в одной руке, скипетр с головой шакала в другой. Он почувствовал странное узнавание, будто где-то глубоко внутри что-то откликнулось на этот образ.

В дверь постучали. Вошёл Ахмед, помощник Сэнди, коренастый мужчина с чёрной бородой, аккуратно подстриженной. Пять лет они работали вместе, и Ахмед никогда не задавал вопросов о видениях — тактичный, надёжный, он просто был рядом, когда это требовалось.

— Доктор Картер, к вам посетитель, — сказал он, слегка поклонившись. — Юсуф аль-Масри, с выставки в Луксоре. Говорит, дело срочное.

Сэнди нахмурился, но кивнул.

Юсуф вошёл — лет пятидесяти, с проседью в волосах, в дорогом костюме, но вид измождённый, руки дрожат, под глазами тёмные круги. Он сел напротив Сэнди, сцепил пальцы, словно пытаясь унять дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.